

Н. АБАЛКИН

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

ПИСЬМО РЕЖИССЕРУ

Москва, ул. Казакова, 8-а.
Театр имени Гоголя,
В. Г. ГОЛУБОВСКОМУ

ТЕАТР ИГРАЕТ БОККАЧЧО

После премьеры «Декамерона» мы на ходу обменялись с Вами несколькими фразами о только что прошедшем спектакле, хотя он и заслуживал куда более обстоятельной, неторопливой беседы. Как-никак впервые на нашей театральной афише появляется достоверное имя Джованни Боккаччо — парижанина по рождению, неаполитанца по обучению, флорентийца по долгому жительству под небом Тосканы, гения эпохи Возрождения, по признанию человечества.

Жаль, не было у нас тогда в запасе времени, а то рассказал бы Вам о давнем своем путешествии в Чертальдо — маленький городок, расположенный неподалеку от воспетой поэтами Флоренции.

Запросто туда не попадете. Нам надлежало предварительно, еще в Риме, получить разрешение на задуманную поездку. За разрешением дело не стало, выдали его незамедлительно. Только полицейские чиновники недоуменно пожимали при этом плечами: нашли, дескать, куда ехать, эка невидаль этот Чертальдо.

Мы не сочли нужным объяснить им, что значил для нас тот неприметный уголок италийской земли, что шесть столетий назад стал местом вечного успокоения прославленного автора «Декамерона».

И вот Чертальдо... Узенькая улочка Боккаччо, крохотная площадь имени двух святых сразу... В полном одиночестве, без единого свидетеля, стоим мы в старинной церкви у большой надгробной плиты, на которой значится, что покоится тут святое тело Джованни Боккаччо.

Удивительное дело! Святой Джованни!.. Тот самый Джованни, который в первой же своей новелле рассказал, как делаются святые из недостойных людей, подобных греховному Чепорелло.

Правда, рассказать-то он рассказал, только заметил в заключение: «Но это для нас тайна».

Так пусть же и для нас останется некоей тайной, как это решилась католическая церковь признать святым автора «Декамерона», не оставившего обличать и высмеивать ханжествующих алчных церковников за греховные их дела и помыслы. Не стоит только особенно удивляться тому. Чего-чего, а уж лицемерия церкви не занимать, она преуспевала в нем из века в век, как никто на свете.

Нет, Джованни Боккаччо не был ни святым, ни святошей. А был он земным человеком. Скажем больше — Человеком с большой буквы. И жил бурно, жизнелюбивым и умно в эпоху, тоже именуемую с большой буквы — Возрождение!..

Спектакль Ваш, подобно «Декамерону», начинается с новеллы о святом Чепорелло. И начинается настолько интересно, весело, что уже побиваешься за театр: а хватит ли у него силы, хватит ли выдумки, изобретательности, юмора, сатирического пера, чтобы с таким же режиссерским запалом продолжать представление и довести его до благополучного конца? Но опасения оказались напрасными: Вам хватило в избытке всего.

Первая новелла задавала спектаклю антиклерикальную тональность. Что ж, она задана самим Боккаччо, хотя и не стала главенствующим лейтмотивом «Декамерона». В нем отзывается мажорный, вольный и раскованный лейтмотив многоголовой жизни, так страстно вырвавшейся на волю из плена удручающих аскетических ограничений средневековой поры. Сын своего века, Джованни Боккаччо и стал первым, удивительно щедрым, удивительно размашистым и смелым бытописателем реалистической литературы новой эпохи.

Можно представить себе, как трудно было Вам из его литературных щедрот, из ста новелл, составляющих содержание «Декамерона», отобрать для сцены лишь одну десятую часть. Часть малую, но вполне разумную. Вам, видимо, пришлось поспешиться с тем, что новеллы эти рассказывают у Боккаччо семь флорентийских дам и три их кавалера. Значит, будем считать, на каждую рассказчицу, на каждого рассказчика пришлось по новелле. Справедливо!

Но в искусстве решает не число. И в малом — в десятой части у Вас сохранилось все же представление о целом, передано дыхание «Декамерона». А это главное. И в этом главном многое решили ак-

теры. Видно по всему, как загорелись они желанием сыграть никогда не игранного ими Боккаччо. А искренняя сценическая увлеченность как бы заново раскрывает актера, в нем узнается вдруг что-то новое, свежее, неожиданное.

Вот, скажем, состоялось приятное знакомство с Л. Кулагиним, словно и не видел его раньше на этой же сцене. Он предстал в каком-то новом актерском качестве. И это отраднo. Откуда появился его Чепорелло? Конечно же, появился живьем, со страниц Боккаччо. Как точно, верно и к тому же сатирически озорно угадан образ этого закоренелого негодяя, плута и шулера.

Спектакль ведут у Вас, скажем, по музыкальному, две первые скрипки — Л. Долгорукова и Л. Кулагин. И ведут отлично. И в прологе, и в финале, почти во всех новеллах. Словом, есть им где развернуться. У артистически изящной, тон-

Новелла о бочке, Юлиано — С. РЕУСЕНКО, Беронци — В. ГИЛНОВ, Мигридан — Я. КРАСНЯНСКИЙ, Перонелла — С. БРАГАРНИК.

Фото Ю. ЗЕНКОВИЧА

кой по манере Л. Долгоруковой хватило умеренных красок, чтобы, не повторяясь, рассказать о наивной по внешней видимости и отрешенной от всех житейских услад монастырской послушнице, о женской верности горделивой и стойкой Имогены, о хитроумной, изворотливой Монне Анне и о трогательной Джованне, покорившей сердце Федерико...

Надеюсь, Вы остались довольны Я. Краснянским. В таком спектакле без него не обойтись. Тут он в своей стихии. Актер прекрасно чувствует природу живописной, выразительной и яркой житейской колоритности сценического персонажа. Не отстают и молодое поколение, столь же увлеченное театральной праздничностью представления. — Е. Меньшов, Н. Тырин.

Всех исполнителей перечислять не буду. Вам виднее, кто из них наилучшим образом оправдал Ваши режиссерские надежды. Но вот С. Брагарник нельзя не назвать. Разве не отличилась она в новелле о бочке? Еще как отличилась! Ну и характерец у этой изворотливой, то разъяренной, то нежной неаполитанской пряхи Перонеллы, так самозабвенно, так воинственно отстаивающей свое право на любовь. Ничего не скажешь: все в ней угадано и выявлено с завидным эмоциональным накалом.

Да, с антрами Вам повезло! Увлеченность их столь необычным представлением живо передается зрительному залу, и чувствуется по всему, они разыграются еще больше. Вот тут-то и нужен будет режиссерский глаз да глаз. Ведь, разыгравшись, можно совсем незаметно сбиться на знакомую, давным-давно заезженную театральную дорожку, ведущую без разбора куда вам угодно: в мир Гольдони или Бомарше, в мир Мольера или Лопе де Вега, Кальдерона или Тирсо де Молина...

Вот тут-то и следует призадуматься. И не просто о чувстве художественной меры: без нее вообще не положено выходить на сцену. Призадуматься о другом — о мере сценического выражения природы, характера чувствований персонажей Боккаччо. Боккаччо и никого другого! Тут предстает уже другая дорога — более трудная, более сложная и неизведанная, но в тысячу раз более интересная. На эту не заштампованную дорожку Вы вместе с антрами только вышли. И пусть ничто не помешает театру продолжать путь к Джованни Боккаччо. Продолжать!.. А если антеры сочтут, что они уже достигли цели, это будет худо для судьбы спектакля...

Новелла о соколе, Федерико — Л. КУЛАГИН, Джованна — Л. ДОЛГОРУКОВА.

На этом нравоучении раздался вдруг телефонный звонок. Сообщаю Вам о нем, потому что имеет он непосредственное отношение к Вашему «Декамерону». Меня просят написать рецензию. Признаюсь, я не собирался ее писать, думал ограничиться вот этим письмом, адресованным Вам. А может быть, следует докончить его и отправить уже не в театр, а в редакцию? Вместо рецензии?.. Так и сделаю, пожалуй. А там видне будет.

Там более, дописать осталось немного...

Знаете, на премьеру немало удивила поначалу трехъярусная металлическая конструкция, установленная на сцене и породившая было унылые предчувствия. К «Декамерону», к его времени она не имела прямого эстетического отношения. Вообще душа не лежит к назойливому «конструктивному мышлению» тех художников, что слишком уж склонны к депозитизации чудесного мира театра. Они и художниками-то называют себя все реже и реже. Они теперь — сценографы.

Но художников А. Спешневу и Н. Себрякова эти замечания не касаются. Да, они тоже водрузили на сцену конструкцию. Но как!.. Только водрузив громоздкое свое сооружение, они тут же нан бы «убрали» его, весьма искусно, хитроумно прикрыв полотнами мастеров итальянского Возрождения. И сценическая площадка сразу же заиграла. При таком органическом соединении старого и нового, живописи и конструкции «Декамерон» обрел реальную свою среду, свое время, а режиссер получил возможность для динамичного и многопланового развертывания театрального действия. А как весело, заигрательно, иронично ведет его от новеллы к новелле музыка А. Журбина!

Вам многое удалось и в спектакле, и в пьесе, написанной совместно с Ю. Добро-нравовым по мотивам Боккаччо. Инсценировать его новеллы трудно. Не так-то легко извлекать из них действенное, драматургическое начало. В неизменном своем виде новеллы эти не перенесешь из книги на сцену. Вам пришлось поработать над ними, над их стилистикой, открывать в них внутреннюю их сценичность.

В общем, как ни суди, а встреча зрителя с Боккаччо состоялась. И это прекрасно! Классику итальянского Возрождения есть что сказать современному человеку. В художественной культуре мира он являет собой фигуру талантливейшую.

Давайте вспомним... Джованни Боккаччо — достойный наследник своего великого предшественника Данте Алигьери, усердный пропагандист его «Божественной комедии». И он же — близкий друг и со товарищ великого своего современника Франческо Петрарки, во множестве сонетов и других сочинений воспевавшего на века любовь к прекрасной и недосыгаемой Лауре. Любовь воспета и на страницах «Декамерона». Оба они пали любовью. Один более возвышенно, более рыцарственно, как высшее проявление духа и чувства. Другой же — по-земному, как высшую радость человеческого бытия.

Так-то вот, дорогой мой режиссер...

В начале этого письма вспоминалась давняя поездка в Чертальдо — на почтительный поклон Боккаччо.

В торжественной холодной тишине стояли мы тогда перед древней надгробной плитой, вчитываясь в последние слова церковной эпитафии: и пусть люди помнят о нем.

Кто, сказал так?.. Служители церкви?.. Нет, не они!

Когда мы закрывали за собой тяжелые потемневшие церковные двери, то слышалось в ту минуту — слова эти обращают к нам история, время, сама эпоха Возрождения.

С давних пор помним мы славно флорентийца Боккаччо, утверждавшего на страницах своих книг радость бытия, радость любви, прославившего достоинство гуманистических начал жизни, сбросившей оковы средневековья.

Теперь появилось еще одно свидетельство нашей памяти о нем — афиша Вашего театра. Не адекватная в какие-то частности и мелочи, скажу без обиняков: Вы сделали благое дело. Донесли до сцены живое дыхание далекой эпохи. Далекой и все же близкой нам по своему мощному жизнеутверждающему пафосу.

На этом и разрешите закончить несколько затянувшееся письмо.